

6+

Виктория Холатова

Джувльбарс

Нечеловеческий подвиг

Виктория Александровна Холатова

Джужльбарс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57988846

SelfPub; 2020

Аннотация

Казалось бы, на войне нет места простым радостям: дружбе, преданности, любви... История пса Джужльбарса – от самого его рождения до выхода на "пенсию" – полна ежедневных подвигов. Данный рассказ – попытка обратить внимание на жизнь братьев наших меньших, которые могут быть едва ли не бОльшими героями, чем люди.

Джультбарс

– Санька, оставь, ну, оставь его, не дышит же, пожалей кутенка.

– Замолчи, – Егорычу показалось, что приятель даже скрипнул зубами. Упрямится. – Воды дай. Тряпку.

Обессиленная молодая овчарка протяжно выдохнула, дрожь прошла ее мускулистое, отягощённое материнством тело. Влажные молчаливые комочки искали носами набухшие соски – искали жизнь. Боролись за каждый будущий шаг. А этот – сдался. Сдался, пес его. Тряпка шлепнула по стенкам жестяного таза, собака рассеянно повела ухом и бросила взгляд через плечо сгорбившегося над ней хозяина – половина роты пришла поздравить ее с рождением "бойцов". Улыбки на их чумазых лицах выглядели чуждо, не к месту, но она успокоено положила голову на скрученную шинель – тишина, миска с водой, ее щенки – люди позаботятся, люди помогут последышу. Она отдохнет.

– Тяжело ей, дурехе, тяжко... – шепот медсестричек давно уже раздражал его. Командир был зол, на маленький безжизненный комок – больше всего на свете. Бездумно переложил кутят ближе к пышущей жаром материнской груди, подоткнул рукава – чтобы не раскатились по земляному по-

лу эти тугие шерстяные мячики.

– Ой, лапка! Дернулся! – это Леночка, санитарка, первой увидела признаки жизни у "похороненного" кутенка. Александр медленно поднял взгляд от клокочущего темного кобеля, первенца его любимицы.

– Живой, живой, не ори, пшли все вон! – Егорыч с гордостью осмотрел темный, наполненный жизнью и смыслом угол. Его Машка с благодарностью улыбнулся – Егорычу, Леночке, себе, Джульбарсу...

– Джульбарс?! Мухин сын! – гогот десятка разгоряченных парней доносился до "родильного угла", но совершенно не беспокоил многочисленное собачье потомство. Запах молока, теплых маленьких тел, мясных косточек для их матери смешивался с ароматом похлебки и пшеничной водки, свежего хлеба и мокрых сапог, осеннего дождя и смерти – война умела выбирать шлейф.

– Джульбарс! Лапу! Молодец, мальчик, молодец. – Тяжелая рука опустилась на его макушку, потрепала слабые, почти не стоячие еще уши, пару разхватила холку и снова нырнула в карман за сухарем. Джульбарс любил сухари, его мо-

лодые и сильные зубки могли не только рвать старые шинели или трепать старшего брата, но и с опасным щелчком сжиматься на запястье его человека, когда он заставлял жестоко играть. Для этого им были нужны сухари: человеку – хвалить его, Джульбарсу – драться и прыгать выше задних лап. Сегодня они долго играли в лесу – среди молодых деревьев искали плохо пахнувшие куски тряпья, старые железяки, после которых болели зубы – щенят, уже подростков, заставляли нести их через громадную поляну и держать только за один край, высоко поднимая лапы и не смотря на землю. Свист ненавистных птиц, тьма запахов леса, щекочущая трава и снующие повсюду жучки жутко раздражал Джульбарса. Но Мама ждала его у ног человека, все смотрели на него, он боролся.

– Красавец! – Болгарин прищелкнул языком и заглянул в умные, почти человеческие глаза. Нос был так близко, большой и красный, он тоже жутко раздражал Джульбарса, хотелось слегка прикусить кончик – напугать. Но его человек засмеялся, незаметно отодвинулся дальше от нового знакомого и притянул к высокому голенищу пса. Джульбарс поворчал, выражая недовольство разговором, помещением, своей жизнью в целом. Тихое "Нц" заставило его замолчать и плотнее прижаться к ноге хозяина. Слова он понимал, знал, что их зовут работать, им надо спасти таких же людей, как Ле-

ночка или старый Егорыч, собак, как Мама или отданные в другие отряды щенки из первого помета. Они должны бороться. "Сколько участков? ", "Вы не работали с такими минами? ", "Это мой лучший пес", "Второй год на фронте? ". . . Уголья в печурке тлели до раннего утра, разговор все не заканчивался, а перескакивал с места на место, Джульбарс прядал ушами и беспокожно вздрагивал, тогда человек усмехался – "воюет, боец".

– Сашенька написал! Мама, окно распахнулось, помнишь, голубка залетела? А сейчас иду вот... – девушка смахнула снежинки с пушистого воротника пальтишка и снова рассмеялась. – Иду, а почтальон конвертик держит, седьмую ищет, я кричу, что моя, а он сумку выронил!

– Глупая, глупая моя, дедушку напугала, – мать беззлобно замахала рукой в муке, Павлуша зачихался и обиженно посмотрел на сестру – суматошная.

Вечером, окружив пузатый самовар и поспешно разделив пирог на сочащиеся вареньем куски, ножичком вскрыли конверт. Павлуша слушал, забыв о пироге, малина сладкой тянучкой запачкала накрахмаленную скатерть, но мать видела только дочку.

– Они в Румынии были, кошмар какой, месяц были, – то-ропливо и перескакивая через строчку читает. – Машина забрала, Сашку, в плечо был.. мамочка!

Женщины крепко держали друг друга за руки, перегнувшись через стол, остальные жадно ловили каждое слово.

– Джульбарс? А? – Павлуша хрипло спросил задал давно волнующий его вопрос. Слезы в глазах сестры и злой взгляд матери показались ему подтверждением самих страшных догадок. Он проплакал всю ночь и только под утро смог ненадолго заснуть. Мать ушла на завод – первый раз захлопнулась дверь, отец

Завел старенькую копейку -дверь хлопнула во второй раз. Можно заснуть, подумать о Джульбарсе, которого он видел только раз, вспомнить его шершавый язык и мягкую, плотно набитую шерсть, карие глаза, которые были похожи на растаявшую на солнце шоколадку.

– Джульбарсе остался с ним, Павлуша, они были всегда вместе, в Болгарии и Чехии, представляешь? Я покажу тебе картинку из книжки, очень красивые города видели, они людей спасают! Столько мин нашли, а одну не успели, там дети были, Джульбарс их тянул за платья и штанишки, представляешь? Они скоро приедут, говорят, война закончится, мы тебя в военное отдадим, Саша будет тебя учить шагать и

песням выучит, а Джульбарс у нас будет жить, у нас с Сашей, мы поженимся потом, вот вернутся... Будешь приходить к нам, мы потом на вязку отдадим, Леночка тебе подарим, хочешь? Как Саша будешь, его кинологом надо называть, как в армии...

Павлуша почти не слушал – убаюкивающий голос, теплое одеяло и усталость...

Он устал. Устал и был голоден. Неделю они делили с человеком лепешки из мерзлой картошки, а пили из одних подернутых льдом лужиц. Джульбарс не знал, что они шли домой. Не знал о Павлушка, о залитой солнцем весенней Москве, не знал и того, что плечо у хозяина покрыто струпьями и ему тяжело нести обессилевшего Джульбарса. Маленькая круглая дырочка и невыносимая боль занимала сознание пса. Он не помнил подобравшую их машину, крики мальчишек в разбитой деревеньке, слезы сестричек и тяжелый сон. Он спал и не видел во сне парад на площади, покрытой серой землей, которую называют асфальтом, не снился ему и не высокий коренастый человек с усами на широком лице и неприятно пахнущим куском дерева во рту – трубкой. Джульбарс спал. А через несколько недель человек с трубкой внимательно будет рассматривать его рану, причмокивать и похлопывать его хозяина по плечу. А Джульбарс под смешки окружающих

будет скалить ровные белые и опасные зубы – его человек был ранен в это же плечо. Усатый человек снимет свою шинель и улыбнется:

– Несите героя сами, товарищ Мазовер, ему обязана вся Европа...

Павлуша мягко выпростал одеяло из-под тяжелого тела друга, поправил завернувшееся ухо и дотронулся до раненой лапы – Джульбарс оскалился и заработал во сне лапами – весной 1945 года он в последний раз боролся за свою жизнь на войне. Дальше – солнце, его человек и мирная собачья старость...